

Патрисия Рид: «МОЕГО МУЖА УБИЛИ...»

Веч. Москва. — 1995. — 3 февр. — 2.5.

Окончание.
Начало в «ВМ» 20 января

Патрисия улыбается, шутит, хохочет, но глаза нет-нет и увлажняются. Она приступает к рассказу о самом сложном, можно сказать, трагическом периоде жизни Дина Риды. Они уже не были вместе, но поддерживали постоянную связь. Дин часто писал ей и дочери. Отдельные сведения просачивались через печать.

Они приютили его в коммунистической Германии, обещали дать все, что он попросит. Они разрешили ему ездить по миру. Он не испытывал никакой материальной нужды, снимал фильмы, пел. Он был им нужен как пропагандист, как положительный пример. Еще бы, стопроцентный американец на всех углах заявляет о своей приверженности социализму. Они, попросту говоря, купили его, как ни горько об этом говорить.

У Дина в ГДР были две жены. Вначале это была переводчица Вибки. Я абсолютно убеждена, что она работала на немецкий КГБ — Штази. Она следила за каждым шагом Дина. Затем он развелся с ней. Появилась новая пассия — актриса Рената Блюм (читатели должны помнить ее — она снималась в роли жены Карла Маркса в одноименном телесериале, который многократно показывался по советскому телевидению. — Авт.).

Смешная подробность. В 1976-м я вышла замуж. Дин приехал ко мне, и я познакомилась с моим новым мужем. Они подружились. В этот вечер они так напились, что я выгнала обоих из дома.

За все эти годы мы несколько раз виделись с Дином. Он не выглядел счастливым. У него было все и не было ничего. В 1985 году Рамона приехала в Берлин и некоторое время жила у отца. Через несколько месяцев Дин, в свою очередь, приехал в США и здесь впервые объявил, что хотел бы вернуться на родину.

За месяц и три недели до своей смерти (гибели) Дин Рид дал интервью программе «60 минут» — одной из самых популярных в США. Ведущий компании CBS Майк Уоллес назвал это интервью одним емким английским словом «The defector» («Отступник»). Патрисия познакомила меня с текстом этой беседы. Воспроизвожу некоторые фрагменты.

Рид: — Я думаю, я был очень хорошим американским посланником в мире. Я общался с людьми, многие из которых никогда не видели американцев, и я показывал им те стороны Америки, которые, я полагаю, они уважают. Люди в мире могли бы уважать Соединенные Штаты за науку, культуру, моральные ценности, в их же представлении Америка — мощная милитаристская держава, которую они боятся и страшатся.

Уоллес: — Вы не верите, что мы уважаемы во всем мире за науку, культуру, моральные ценности?

Рид: — Майк, вам следует поехать со мной по миру, и я покажу вам улицы в странах Латинской Америки, где кричат: «Янки, убирайтесь домой!». Это был наибольший шок в моей жизни, когда я услышал такие слова. И я подумал: почему? Мы выиграли войну, революцию 200 лет назад. Мы не хотели быть колонией Англии. И люди в мире — третьем мире — говорят: «Мы не хотим быть колонией Соединенных Штатов или полукolonией. Позвольте нам иметь свой собственный суверенитет и независимость».

Уоллес: — Разве Восточная Германия не является колонией Советского Союза, Польша — не колония? Румыния, Болгария?

Рид: — Конечно, нет.

Уоллес: — Вы рентуете свой дом в ГДР?

Рид: — Да, мы рентуем наш дом. Это стоит сумму, эквивалентную примерно 40 долларам в месяц.

Уоллес: — Не может быть!

Рид: — Даю вам слово (смеется).

Уоллес: — У вас под Берлином замечательный дом. И всего 40 долларов в

месяц?

Рид: — Да, это вполне нормально.

Уоллес: — Вы имеете деньги в банках Америки?

Рид: — Нет.

Уоллес: — В швейцарских банках?

Рид: — Нет.

Уоллес: — Богатый человек, бедный человек?

Рид: — Я богатый человек, потому что миллионы людей любят и уважают меня. Я не имею много денег, но сейчас мне их и не нужно. Школа для моих детей, университет — все есть и будет бесплатно, моей дочери и моему сыну не придется платить за образование. Когда я иду к доктору, я не должен ничего платить.

И в дальнейшем в интервью он продолжал доказывать определенные преимущества социализма как системы, но по-прежнему делал это как-то вяло, словно «отрабатывал номер», произносил раз и навсегда заготовленный текст. И несмотря на то, что мистер Горбачев нравился Дину Риду больше, чем мистер Рейган, несмотря на попытку представить академика Сахарова не такой уж и жертвой коммунистического режима, нет-нет и прорывался в ответах тот самый искренний и честный голос, своего рода «алта эго», которого Рид, возможно, боялся и который давил в себе. Он признал, что Сахаров не может покинуть страну, которая держит его в ссылке. Уоллес спросил его: «Вы действительно считаете социализм и коммунизм самой лучшей системой?». И Рид ответил:

Фото из семейного альбома

— Нет, я так не считаю. Если бы вы знали, как много вещей, с которыми я не согласен, и как часто я получаю удары по голове, потому что не согласен с очень многим. Вы просите назвать три вещи, с которыми я не согласен. Я не согласен с засильем бюрократии. Я не согласен с тем, что социалистическое общество недостаточно открыто для критики. Я полагаю, что должно быть больше индивидуальной свободы...

Уоллес: — Вы думаете о своей политической карьере?

Рид: — Я не знаю, Майк. Наступит ли когда-нибудь в Соединенных Штатах время для социалистической партии, или, может быть, даже социал-демократической партии, я не знаю. Но я бы хотел вернуться в Колорадо и стать сенатором от своего штата.

Это были последние слова, сказанные Дином Ридом в интервью.

Возможно, и даже наверняка они-то и не понравились советскому КГБ и восточногерманскому Штази. Я сознательно не разделяю две эти организации, ибо работали они всегда в теснейшем контакте, особенно когда речь шла о таких заметных фигурах, как американский актер и певец Дин Рид. Возвращение блудного сына, «дефектора» домой, в Америку вряд ли входило в их планы. Человек, поверивший в социализм и разочаровавшийся в нем,

для них выглядел весьма опасной фигурой. Неизвестно, что может говорить он, вернувшись в Штаты. А знал Дин Рид очень много. Знал политическую кухню ГДР и других стран социалистического лагеря, видел истинное лицо коммунистических лидеров, неоднократно встречался с ними. Будучи в ГДР пропагандистом социализма, он мог стать его контрпропагандистом, что абсолютно не устраивало службы безопасности, отвечавшие в то время и за идеологию.

В Советском Союзе началась перестройка, выходили из-под спуда факты, изобличающие тоталитарный строй. Дин узнавал о них, и это тоже служило катализатором его запоздалого прозрения.

Что же произошло дальше? Предоставим слово Патрисии.

— 13 июня мне позвонили из ГДР и сообщили о якобы самоубийстве Дина. Покончил он с собой, утонув в озере. Признаюсь, я была в ужасе. И в то же время внутреннее чувство мешало согласиться с тем, что Дин ушел из жизни именно таким образом. Я слишком хорошо его знала — ему были чужды мысли о самоубийстве. Я созвонилась с матерью Дина, и мы срочно вылетели в Германию. Разумеется, в западную ее часть, ибо в восточной нас никто не ждал и никто туда не приглашал.

Власти ГДР не ожидали такой спешности нашего появления. Отказать нам во въезде они не решились — был бы между-

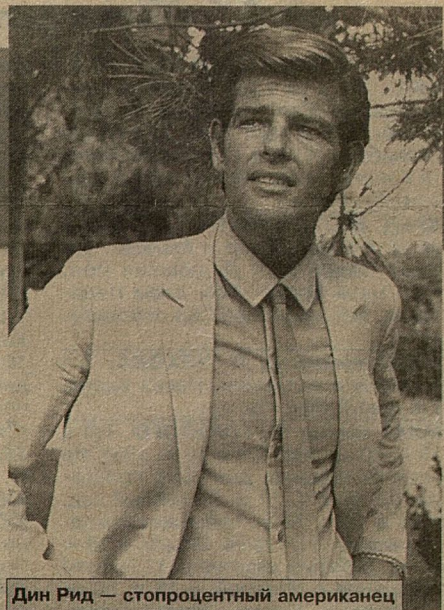
народный скандал. Мы летели разными маршрутами, мать Дина прибыла чуть раньше. Ее встретили в берлинском аэропорту и отвезли в Потсдам, где жил Дин со своей женой Ренатой Блюм. Мать привезли в его дом. Ее встретила Рената. Она была невменяемой, очевидно, под действием каких-то транквилизаторов. Вокруг шныряли какие-то типы, скорее всего, сотрудники Штази. Из слов Ренаты ничего нельзя было понять.

Меня с дочерью Рамоной тоже встретили в аэропорту, где поставили визу в паспорт. Сразу же повезли в гостиницу, где жили только американцы. Потом — в дом Дина. По дороге я попросила остановиться и попить воды. Водитель явно испугался вынужденной остановки. Я поняла, что нахожусь под строгим контролем спецслужб. С этого момента началась полоса сплошного вранья.

Мне врал, иногда порой даже не пытаясь этого скрывать. Врал об обстоятельствах самоубийства, врал насчет даты — официальная версия гласила, что это случилось 12 июня, а я нашла продавца, который утверждал, что поздно вечером этого дня Дин заходил к нему в магазин за покупками.

Мать Дина жила в доме Ренаты. Там было невозможно находиться. Она перебралась ко мне в гостиницу. «По-моему, Дина убили. Они все врут нам», — сказала она.

Спустя какое-то время версия изменилась. Теперь нам стали говорить, что это был инцидент. Я разговаривала с первой «немецкой» женой Дина. Вибки утверждала, что он был в депрессии, глотал таблетки, говорил о том, что хочет уйти из жизни. Я ответила на это: «Этого не может быть. Он слишком себя любил, чтобы покончить с собой. И здоровье у него было отличное». В этот момент у Вибки началась истерика, и она убежала.

Дин Рид — стопроцентный американец

По версии «инцидента», Дин поссорился с Ренатой и начал кричать: «Ты хочешь моей крови!». После этого он в нескольких местах порезал себе руку.

По сообщениям полиции, Дина нашли в озере в одежде. Одет он был так, как будто собирался уехать далеко. В машине у него были обнаружены гитара, бритвенные принадлежности, заграничный паспорт. По дороге он якобы ударился о дерево и после этого упал в озеро. Более нелепое объяснение и придумать было трудно.

Я потребовала показать мне тело Дина. Мне не давали его 3 дня. Вначале уверяли, что лицо трупа объедено рыбами. Потом пустили в ход еще какую-то уловку. Наконец назначили встречу с врачом-патологоанатомом. С нами приехала переводчица. Доктор описал мужчину с испорченной алкоголем печенью и ростом явно выше Дина. Дин вовсе не был пьяницей и по этой причине не мог испортить себе печень. В желудке его были обнаружены еда и снег, как будто он плотно поужинал и собирался лечь спать. Доктор также неожиданно сказал, что труп не был извлечен из воды. В этот момент переводчица всколыхнула и что-то резко сказала ему по-немецки.

Наконец мы попали в морг. В затемненной комнате, через стекло, на расстоянии нескольких метров нам продемонстрировали труп. Когда занавеску отодвинули, я увидела лицо Дина. Это был он, вне всякого сомнения. На всякий случай я попросила показать его ступни. На ступне левой ноги у него еще с детства был заметный след. Я подошла ближе, к самому стеклу, и увидела этот след. Да, это был Дин. Одновременно под горлом я заметила темный шрам, синяк на лбу. Он не был раздут и не выглядел, как утопленник.

Дина кремировали. Похоронили его на местном кладбище только спустя пару недель. Это был фарс. Никого из его друзей из Советского Союза, других стран на похороны не пустили. Мать Дина через год забрала урну и захоронила на его родине, в Колорадо.

Американская и европейская пресса откликнулись на смерть певца и актера несколькими статьями в газетах и журналах. Никто из журналистов всерьез не принял версию самоубийства и инцидента. Все в один голос говорили об убийстве. Политическом убийстве. Насколько мне известно, только в советской прессе об этом ничего не говорилось. Своему любимцу здесь посвятили всего несколько строк.

Характерен заголовок одной из статей в газете «Сан-Дейвист»: «Убийство в Берлине отступника, который изменил свою линию...». Да, это правда. Дин разочаровался в той системе, которой искренне служил немало лет и которая отравила его, когда он стал ей не нужен и даже опасен.

— Для Америки этот человек по-прежнему «красный», — заканчивает свой рассказ моя собеседница. — На мой взгляд, история его жизни — потрясающий пример истинной человеческой трагедии, трагедии заблуждения. Я вынашивала идею написать книгу воспоминаний о своем бывшем муже для России. Здесь, я знаю, его многие помнят.

Давид ГАЙ,
сборник «Вечерней Москвы»,
Сан-Диего

3.2.95

Rid Din